

© 2014 г.

Е.В. РОМАНОВА

СОВРЕМЕННАЯ ЗАПАДНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В историографии Первой мировой войны важное место занимает проблема ее происхождения. Зародившись в годы войны, споры о причинах ее возникновения продолжают по сей день. На протяжении почти столетия неуклонно росло количество доступных источников по данной теме, расширялся спектр исследуемых сюжетов, претерпевали эволюцию подходы к изучению проблемы, происходило углубление наших представлений о событиях 1914–1918 гг. На каждом этапе развития историографии специалисты предлагали собственные вопросы, расставляли новые акценты, порой высвечивая ранее остававшиеся в тени стороны проблемы.

Конец XX в. открыл новый период в исследовании проблемы происхождения Первой мировой войны. Этому способствовал ряд факторов. Крах биполярной системы, участвовавшие с 1990-х годов международные кризисы и локальные войны придали особую актуальность отдаленным от нас вековой дистанцией событиям, которые дали импульс развалу Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской империй и революционной трансформации мира. На страницах научных изданий появляются не характерные для такого рода литературы параллели между современностью и предвоенным временем, отличавшимся возникновением глобальной экономики, множественностью центров силы на международной арене и серьезными изменениями в обществах европейских стран¹.

Первая мировая война занимает в судьбе Европы особое место. Она прочно укоренилась в исторической памяти европейских стран. В то же время, представление о ней подвергается постоянной корректировке под влиянием современных событий. Как отмечал российский историк Т.М. Исламов, “объединяющаяся на наших глазах Европа ищет легитимации в своем прошлом”², переосмысливая его с позиций сегодняшнего дня. Первая мировая война была общеевропейской трагедией – такова в настоящее время трактовка этого эпохального события официальной Европой. Однако, как показали бурные дискуссии, развернувшиеся в Великобритании летом 2013 г. в связи с мероприятиями, приуроченными к столетию начала Первой мировой войны, не все представители исторического сообщества и широкой общественности готовы принять такую “общеевропейскую концепцию” Великой войны и тем самым отказаться от “национальной истории”. Для многих британцев Первая мировая война по-прежнему знаменует собой победу над германским милитаризмом³.

Хотя “исторический инжиниринг”, как назвал процесс формирования исторической памяти под влиянием политической конъюнктуры британский исследователь

Романова Екатерина Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета.

¹ *Clark Ch. The Sleepwalkers. How Europe went to War in 1914. London, 2012.*

² *Исламов Т.М. Европейские историки о европейской истории. – Новая и новейшая история, 2003, № 5, с. 3.*

³ *Scheuermann Ch. Gewärmt vom Triumph der Vergangenheit. – Der Spiegel, 2014, № 3.*

К. Вильсон⁴, непосредственно не связан с развитием науки и не является предметом рассмотрения в данной статье, не упомянуть о нем невозможно: историк как человек своего времени находится под влиянием современных ему событий, что сказывается на формировании его представлений о прошлом. Вряд ли можно полностью согласиться и с тезисом некоторых современных ученых о том, что проблема происхождения Первой мировой войны утратила прежнюю политическую актуальность⁵. Мы далеки от того, чтобы считать исторические исследования лишь порождением политической конъюнктуры. Однако грань между историей и обращенной в историю политикой остается зыбкой, что не позволяет говорить о полной деполитизации проблемы происхождения Первой мировой войны.

Наряду с политической ситуацией, мировоззренческие изменения задают контекст, в котором развиваются исторические исследования. В ходе переживаемой в настоящий момент обществами западных стран и России глубокой мировоззренческой трансформации ставится вопрос о границах, возможностях, предмете и методе познания, подвергается сомнению принцип классического рационализма. В гуманитарных дисциплинах происходит ревизия многих прежних концепций и выводов. Проблемы объективности интерпретации исторических источников, степени достоверности исторического знания становятся предметом обсуждения профессионального сообщества⁶.

В какой степени эти тенденции затронули исследования проблемы происхождения Первой мировой войны? Излишне категоричным представляется утверждение преподавателя Открытого университета (Великобритания) А. Момбауэр, одного из ярких представителей молодого поколения западных историков, о том, что “дебаты о происхождении войны в полной мере свободны от влияния постмодернистского поворота”⁷. Свойственные постмодернизму представления об относительности исторической истины, отрицание способности ученого устанавливать причинно-следственные связи между историческими событиями, хотя и не были восприняты специалистами, занимающимися проблемой происхождения Первой мировой войны, однако оказали влияние на современные подходы к поискам ответа на вопрос о причинах ее начала, потребовали обращения к проблемам закономерности, неизбежности и случайности в истории.

В работах о происхождении Первой мировой войны заметно влияние “антропологического поворота”, поставившего в центр внимания исследователя “мир человеческой субъективности”⁸. Он перекликается с новой парадигмой в исследовании международных отношений – конструктивизмом, приверженцы которого делают акцент на субъективных представлениях и поведении акторов.

Политические изменения и методологические новации влияют на проблематику работ современных историков – вызывают постановку новых вопросов, подталкивают к поиску иных ракурсов изучения темы. Однако основой исторического исследования по-прежнему остаются источники. Многие из них давно введены в научный оборот: фундаментальные собрания дипломатических документов разных стран были опубликованы в межвоенный период, открытие архивных фондов, связанных с происхождением Первой мировой войны, пришлось в основном на 1960-е годы. Значительная часть новых работ опирается на достижения историков предшествующего поколения.

---

⁴ Forging the Collective Memory. Government and International Historians through two World Wars. Oxford, 1996, p. 2.

⁵ Mombauer A. The Origins of the First World War: controversies and consensus. London, 2002, p. 222.

⁶ Может ли история быть объективной? Материалы международной научной конференции. М., 2012.

⁷ Mombauer A. The Fischer Controversy 50 years on. – Journal of Contemporary History, 2013, v. 48, № 2, p. 234.

⁸ Могильницкий Б.Г. История исторической мысли XX века. Курс лекций. Вып. 3. Историографическая революция. Томск, 2008; Согрин В.В. Современная историографическая революция. – Новая и новейшая история, 2009, № 3.

Однако отметим расширение источниковой базы современных исследований: продолжается освоение массива архивных материалов, к изысканиям по международно-политической проблематике привлекаются ранее не столь активно использовавшиеся документы личного происхождения, а также фонды региональных архивов. Окончание “холодной войны” открыло для западных историков некоторые документы немецких архивов – Имперского архива и Военного архива в Потсдаме, – которые в ходе Второй мировой войны были перемещены в СССР, а затем переданы ГДР. В 1993 г., после объединения Германии, эти документы поступили в коллекцию Военного архива во Фрайбурге⁹. Введение в оборот новых источников позволяет историкам освещать ранее оставшиеся в тени исследовательского внимания сюжеты, вновь поднимать, казалось бы, уже решенные вопросы.

Предметом статьи является анализ того, что привнесли современные западные исследования в изучение проблемы происхождения Первой мировой войны, с точки зрения новых подходов, расширения наших знаний о событиях тех лет, нового уровня обобщения. Хронологические рамки статьи: с начала 1990-х годов до 2013 г. В ряде случаев автор обращается и к более ранним работам, выводы которых задали направление современных исследований или стали объектом научной дискуссии. В силу большого количества публикаций по рассматриваемой теме, многообразия аспектов проблемы, обилия сюжетов и мозаики мнений, предлагаемый обзор не претендует на анализ и критику каждого исследования, он призван выявить основные тенденции, подчеркнуть дискуссионные вопросы и представить наиболее важные результаты.

Проблема происхождения Первой мировой войны неравномерно отражена в национальных историографиях ведущих западных стран. Традиционно историки и политики из Великобритании, США и Канады большое внимание уделяют международно-политической проблематике, стратегическим исследованиям. Изучение роли империи Гогенцоллернов в возникновении Первой мировой войны, как и более широкая проблема милитаризма, остаются актуальными для германских историков. Гораздо менее активны в разработке сюжетов, связанных с возникновением Первой мировой войны, французские специалисты. Пожалуй, единственным исследователем, затрагивающим эти вопросы, является Ж.-Ж. Беккер. Классикой в этой области по-прежнему остаются работы П. Ренувена, написанные во второй половине 1920-х – 1960-е годы. Интерес же современных французских исследователей Первой мировой войны скорее находится в области изучения истории ментальностей и военной повседневности¹⁰. Несмотря на наличие специфики национальных школ, характеризуя современную западную историографию проблемы происхождения Первой мировой войны, правомерно говорить о существовании “единого научно-исследовательского пространства”, в рамках которого происходит постановка научных задач и ведется активный обмен идеями¹¹.

Современный этап исследования проблемы происхождения Первой мировой войны характеризуется как преемственностью по отношению к работам предшественников, так и пересмотром ряда сформулированных ранее выводов. В настоящее время не утратили актуальности традиционные для историографии вопросы о характере и причинах Первой мировой войны, об ответственности за ее возникновение. В то же время про-

---

⁹ В апреле 1945 г. в результате английской бомбардировки были уничтожены многие германские документы, в частности материалы Генерального штаба, хранившиеся в фондах Имперского и Военного архивов в Потсдаме. Однако часть документов, ранее вывезенная из Потсдама, сохранилась. По итогам Второй мировой войны они оказались в архивных коллекциях разных стран.

¹⁰ *Keiger J.F.V.* The Fischer Controversy, the War Origins Debate and France: a Non-History. – *Journal of Contemporary History*, 2013, v. 48, № 2.

¹¹ Сближение позиций отечественной и зарубежной историографии по ряду вопросов позволило петербургскому исследователю И.Н. Новиковой говорить о “формировании единого научно-исследовательского пространства” в более широком масштабе. – *Новикова И.Н.* “Между молотом и наковальней”. Швеция в германо-российском противостоянии на Балтике в годы Первой мировой войны. СПб., 2006, с. 16.

исходит частичная ревизия прежних подходов к решению проблемы происхождения войны.

Отличительной чертой работ рубежа XX–XXI вв. является определенный скептицизм в отношении возможности объяснения причин Первой мировой войны структурными факторами (такими как империализм, национализм, милитаризм, характер военно-политических союзов великих держав, экономическое соперничество) или политикой одного или нескольких государств. Историки справедливо подчеркивают, что универсалистские схемы, привлекательные своей простотой и ясностью, далеко не всегда адекватно отражают историческую реальность¹². Социолог и политолог Р. Гамильтон (США) и профессор университета Калгари (Канада) Х. Гервиг, редакторы и соавторы коллективного труда “Происхождение Первой мировой войны”, вышедшего в свет в 2003 г., указывают на ограниченность традиционных объяснений причин войны, к числу которых они относят ссылки на систему союзов, национализм, социалдарвинизм, империализм, милитаризм, пропаганду, внутривнутриполитическую ситуацию в европейских странах или тезис о “скатывании к войне”. Не отказываясь от их учета, исследователи вместе с тем акцентируют внимание на невозможности точного “измерения” влияния того или иного из вышеуказанных факторов. Ученые подчеркивают, что эти причины сами по себе не вызвали войну, отмечают сложность установления связи между универсальными причинами и конкретными решениями, привлекают внимание к разнонаправленности действовавших в системе сил¹³.

Сомнения высказываются и в обоснованности рассмотрения Мировой войны как результата целенаправленной политики одной или нескольких великих держав. Единство мнений современных историков в этом вопросе отсутствует, однако значительная часть исследователей считает возникновение войны следствием взаимодействия многих акторов в динамической системе. В этом процессе участвовали по меньшей мере пять европейских великих держав, балканские государства, Османская империя. Ход принятия решений в каждой из стран был сложен и порой непредсказуем. В такой системе не просто было просчитать последствия решений, предсказать реакцию на них союзников и потенциальных противников. В стремлении подчеркнуть специфику международных отношений начала XX в. кембриджский профессор К. Кларк (Великобритания) сравнил государственных деятелей, ответственных за принятие решений летом 1914 г., с лунатиками. Актors мировой политики действовали как будто в темноте; их шаги часто вели к непредвиденным для них же самим последствиям. Монография Кларка во многом типична для современного этапа развития западной историографии: Кларк ставит акцент на вопрос “как”, а не “почему” возникла Первая мировая война. Такая подмена вопроса объяснима: вычленив причины войны среди мириад взаимодействий разных акторов на разных уровнях почти невозможно. На эту проблему, также применительно к истории происхождения Первой мировой войны, указывал отечественный исследователь В.В. Дегоев, отмечая, что “любой крупный исторический феномен в конечном итоге является порождением тотальной и до конца никогда не познаваемой взаимосвязи всего со всем”. Ученый приходит к выводу, что “все объяснения причин есть невольная ложь”¹⁴. Обратной стороной аналитической ясности может стать существенная схематизация исторических процессов. Кларк, как и некоторые другие специалисты, предпочитает прослеживать историю решений, что отражает еще одну особенность современных исследований¹⁵. Для них характерно смещение внимания со структур на субъектов, их восприятие и поведение. Следуя призыву авторитетного британского

¹² Clark Ch. *The Sleepwalkers* [Kindle Edition].

¹³ The Origins of World War I. Cambridge, 2003.

¹⁴ Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700–1918 гг. М., 2004, с. 433.

¹⁵ Такой подход не является принципиально новым. Процесс принятия решений, степень влияния глав государств, членов правительств и военачальников на внешнюю политику – тема, давно разрабатываемая немецкими историками А. Хильгубером и Дж. Релем.

историка Д. Джолла¹⁶, ученые стремятся реконструировать систему представлений политиков, военного командования, обычных людей той эпохи и тем самым понять мотивы их действий. Рассмотрение объективно существовавших материальных противоречий отходит на второй план, их место занимают субъективные переживания, ощущения, оценки.

Скептицизм в отношении адекватности имеющихся в распоряжении исследователя методов определения причин Первой мировой войны сопровождается появлением сомнений в ее объективной обусловленности. Пожалуй, одной из наиболее заметных черт современной научной дискуссии о происхождении Первой мировой войны стало обращение к вопросу о неизбежности ее возникновения. Постановка “абсурдного” или “по меньшей мере антиисторического” вопроса, как назвал его французский историк Ж.-Ж. Беккер¹⁷, явилась реакцией на кажущийся детерминизм доминировавших в 1970–1980-е годы структуралистских объяснений причин войны, выражением стремления подчеркнуть в противовес им положения об альтернативности и многовариантности исторического развития.

В преобладавшей на протяжении второй половины XX в. трактовке событий Первой мировой войны представлялась результатом развития глубинных противоречий; ее возникновение являлось предсказуемым и поддающимся рациональному объяснению. Историки спорили о целях внешней политики великих держав, мере ответственности той или иной страны, о содержании понятия “империализм”, степени влияния милитаризма, характере системы военно-политических союзов, то есть о конкретных причинах и предпосылках войны, но в то же время соглашались в признании закономерности ее возникновения. Ретроспективный взгляд, присущий историку, создавал ощущение заданности, детерминированности событий.

В некоторых современных исследованиях начало Мировой войны в августе 1914 г. предстает не предопределенным всем ходом событий, а случайным. Так, британский историк М. Ховард обращает внимание на появившуюся в литературе характеристику войны как “тайны” или “ошибки”¹⁸. Как “величайшую ошибку” Великобритании рассматривает начало Первой мировой войны ныне преподающий в Гарварде британский исследователь Н. Фергюсон¹⁹. Его соотечественник, специалист по военной истории Дж. Киган считает Первую мировую войну “трагическим и ненужным конфликтом. Ненужным, потому что цепь событий могла бы быть разорвана в любой момент в течение пяти недель кризиса, предшествовавшего военному столкновению”²⁰.

Стремясь объяснить происхождение войны расчетами, которыми руководствовались принимавшие “роковые решения” правящие элиты великих держав, исследователи Р. Гамильтон и Х. Гервиг приходят к выводу об отсутствии “фатальной предопределенности” исхода июльского кризиса²¹. О сложившемся в историографии консенсусе в отрицании неизбежности войны²², писал в 2007 г. американский историк и политолог П. Шредер. “Война была обусловлена выбором, которого можно было бы избежать, определенными решениями, которых можно было бы не принимать”²³, – такова, по мнению Шредера, позиция большинства современных специалистов.

¹⁶ Joll J. 1914: the Unspoken Assumptions. London, 1968.

¹⁷ Becker J.J. L'année 1914. Paris, 2004, p. 3. Исследователь во многом справедливо указывал на то, что “Великая война произошла, и долг историка попытаться проанализировать то, что случилось”.

¹⁸ Howard M. The Great War. Mystery or Error? – The National Interest, 2001, № 64, p. 79.

¹⁹ Ferguson N. The Pity of War. New York, 1999.

²⁰ Keegan J. The First World War. New York, 2000, p. 3.

²¹ The Origins of World War I, p. 451.

²² Споры о “неизбежности войны” таят в себе опасность подмены понятий. В данном контексте под словосочетанием “неизбежность войны” понимается ее обусловленность объективными системными факторами.

²³ Schroeder P. Necessary conditions and World War I as an unavoidable war. – Explaining War and Peace. London, 2007, p. 153.

Однако этот вывод заметно преувеличивает степень согласия среди историков. Примечательно, что по мнению самого Шредера, шаги Германии и Австро-Венгрии в июле 1914 г. определялись действием системных сил, которые фактически не оставили военно-политическому руководству обеих стран выбора. Шредер является одним из немногих современных западных историков, которые связывают возникновение Великой войны с соперничеством за доминирование в мире, на пути к которому империи Гогенцоллернов поставили преграду страны Антанты, прежде всего Великобритания. Германии, не имевшей возможности преодолеть этот барьер средствами дипломатии, в интерпретации Шредера, не оставалась ничего иного, как решиться на войну.

О подверженности политической и военной элиты великих держав воздействию системных сил, которые порой исключаются из рассмотрения сторонниками тезиса о случайности войны, пишет профессор университета Лавала (Квебек, Канада) Т. Имлей. Исследователь справедливо подчеркивает, что проблема происхождения войны шире вопроса о причинах решений июля 1914 г.²⁴ Британский историк Д. Ливен уверен, что система международных отношений была такой, что если не в июле 1914 г., то в следующие четыре года война бы непременно вспыхнула. К этому вела “логика, лежавшая в основе отношений великих держав в эпоху империализма”, а также “нестабильность, вызванная изменяющимся балансом сил”²⁵.

Спор между сторонниками тезиса об объективной обусловленности возникновения Мировой войны системными факторами и его противниками, подчеркивающими значимость субъективных решений, относится к разряду таких, в которых каждая из сторон остается на своей позиции²⁶. Однако за этой дискуссией часто незамеченным остается важное различие подходов критиков детерминизма.

Для одних исследователей, например, для Н. Фергюсона, Первая мировая война (война в мировом масштабе) предстает как событие во многом случайное, как результат неверных оценок, ошибочных решений, а не следствие глубинных противоречий. Первая мировая война, приведшая к утрате европейского лидерства в мире, породившая Вторую мировую, а затем “холодную” войну, прервавшая начавшийся процесс глобализации (зарождение которого исследователь относит к рубежу XIX–XX вв.), была не только ненужной, но и не закономерной. В таком подходе чувствуются отголоски историографических традиций 1920–1930-х годов, когда Мировая война рассматривалась как акт коллективного заблуждения европейских стран, связанных общей культурой, историей, обычаями.

Другие ученые признают наличие объективных условий возникновения войны, однако не считают, что дипломаты, политики, военные превращались в простое орудие действовавших в системе сил. Американский специалист по теории международных отношений Р.Н. Либу, объясняя возникновение Первой мировой войны, исходит из постулата, что причины, какими бы они ни были глубинными и многочисленными, не делают то или иное событие неизбежным, а лишь создают его возможность. Произойдет ли в действительности переход того или иного явления в новое качество зависит от обстоятельств момента, где большую роль может играть фактор случайности. Признавая существование межгосударственных экономических и политических противоречий, Либу не считает указание на них достаточным объяснением возникновения войны, подчеркивает нелинейный характер международных процессов, возможную вариатив-

---

²⁴ *Imlay T.C.* The Origins of the First World War. – *The Historical Journal*, 2006, v. 49, № 4.

²⁵ *Lieven D.* The Origins of World War I. – *The International History Review*, 2004, v. 26, № 1, p. 167. В недавнем разговоре с автором статьи Д. Ливен был менее категоричен в отстаивании своего тезиса; он не исключил возможность перегруппировки на международной арене, если бы войны удалось избежать в 1914 г.

²⁶ Эта дискуссия характерна для современного состояния не только зарубежной, но и отечественной исторической науки. – *Козенко Б.Д.* Отечественная историография Первой мировой войны. – *Новая и новейшая история*, 2001, № 3; *Виноградов В.Н.* 1914 год: быть войне или не быть? – *Новая и новейшая история*, 2004, № 6.

ность развития, делает акцент на уникальности приведшей к Первой мировой войне цепи событий, которая стала результатом множества взаимосвязей на разных уровнях, ряда случайностей и совпадений. Либоу четко определяет границу между признанием закономерности, не отрицающей вмешательства случайных факторов, и исторической неизбежностью.

По мнению исследователя, одним из важных факторов, способствовавших возникновению Первой мировой войны, стало одновременное изменение внешнеполитических представлений германской и австро-венгерской политических элит. Летом 1914 г. в обеих империях обострилось ощущение уязвимости позиций собственного государства на международной арене, которое повлияло на их поведение в период июльского кризиса. Вызванное разными причинами (в Германии наибольшие опасения были связаны с перевооружением России и улучшением ее мобилизационных возможностей; в Австро-Венгрии – с кризисом Османской империи и национализмом балканских государств, потенциально подрывавшим целостность двуединой монархии), это совпадение во времени, с точки зрения Либоу, не было неизбежным. В итоге Австро-Венгрия для предотвращения негативной для нее тенденции развития ситуации на Балканах в июле 1914 г. оказалась готова начать войну против Сербии, а Германия, осознававшая, что очередной конфликт на Балканах может перерасти в крупномасштабную войну, поддержала свою союзницу, полагая, что отсрочка неизбежного, в глазах руководства германского Генерального штаба, общеевропейского военного столкновения будет способствовать лишь усилению армий ее противников. Убийство в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда, ставшее катализатором конфликта, также можно рассматривать как фактор случайности. Между тем, по мнению американского политолога, это событие следует расценивать не столько как повод, сколько как одну из важнейших причин войны: воспринятое как вызов Австро-Венгрии, оно изменило политическую и психологическую обстановку не только в Вене, но и в Берлине, повлияло на поведение императоров Вильгельма II и Франца Иосифа I, склонив их к поддержке силовых действий. Убийство Франца Фердинанда означало устранение политической фигуры, выступавшей против военного решения австро-венгерских проблем. Оно также позволило германскому кайзеру и его канцлеру принимать решения, объективно ведущие к войне, убеждая себя в том, что ответственность за нее несут другие.

Либоу, как и многие современные исследователи, подчеркивает иррациональность поведения акторов во время июльского кризиса 1914 г. и отмечает, что их действия вели как к незапланированным последствиям для них самих (войны мирового масштаба никто не желал), так и к непредсказуемому развитию системы международных отношений. Концентрируясь на анализе идей и представлений лиц, принимающих решения, американский исследователь в противовес тезису о детерминизме структуры указывает на возможность обратного влияния акторов на структуру. Сближаясь с приверженцами конструктивистской парадигмы, он отмечает, что изменение восприятия акторами характера системы международных отношений и своего места в ней создавало нематериальную, но от этого не менее значимую, структуру представлений, которая впоследствии определила выбор того или иного варианта поведения²⁷.

Синтез многих идей, высказанных в исследовательской литературе на рубеже XX–XXI вв., содержит вышедшая в свет в 2010 г. работа британского историка У. Маллигана “Происхождение Первой мировой войны”. Эту книгу, рекомендованную в качестве учебного пособия, отличает четко выраженная авторская концепция, построенная как на собственных изысканиях Маллигана, так и на основательном изучении им историографии проблемы. В дискуссии тех, кто объясняет происхождение Первой мировой войны системными факторами, и приверженцев тезиса о решающей роли действующих лиц мировой политики, британский ученый, по собственному признанию, отдает предпочтение позиции первых, в то же время, указывая на необходимость интеграции

---

²⁷ *Lebow R.N. Contingency, catalysts and nonlinear change: the origins of World War I. – Explaining War and Peace.*

двух подходов. Маллиган рассматривает влияние системы союзов, гонки вооружений, общественного мнения, экономического соперничества на взаимоотношения между государствами. Глава книги посвящена июльскому кризису 1914 г. Хотя все темы далеко не новы и не раз освещались в литературе, отметим интересные, хотя и небесспорные, наблюдения автора. Одно из них относится к эволюции взглядов германских политических деятелей на пути обеспечения безопасности государства в последней трети XIX – начале XX в. В интерпретации автора, О. Бисмарк связывал безопасность Германии с поддержанием мира, тогда как его преемники с сохранением военно-политического союза с Австро-Венгрией и способностью добиться победы в общеевропейской войне. Маллиган констатирует, что проблема безопасности перестала ассоциироваться с международной стабильностью, основанной на дипломатических соглашениях, а приобрела более узкий сугубо военный смысл²⁸.

В качестве важных вех на пути к войне Маллиган традиционно рассматривает создание Антанты в 1904–1907 гг. и второй марокканский кризис 1911 г., давший импульс росту сухопутных вооружений. В то же время, он уделяет большое внимание изменению международной ситуации во второй половине 1913 – первой половине 1914 гг., результатом которого, по его мнению, стала готовность Германии, Австро-Венгрии и России пойти на риск войны. К известному тезису о влиянии на политику Австро-Венгрии результатов Балканских войн, британский историк добавляет замечание о том, что принятие Сербией в октябре 1913 г. австро-венгерского требования о выводе сербских войск с территории Албании убедило Вену в эффективности “политики ультиматумов” для отстаивания своих интересов на Балканах. Позиция России в 1914 г., по мнению автора, определялась не только восприятием германской угрозы собственным интересам на Востоке, обостренным в связи с миссией Лимана фон Сандерса, но и осознанием Санкт-Петербургом отсутствия в своих руках рычагов “мягкой силы” (прежде всего экономических) на Балканах, которое повлияло на готовность России принять силовой вариант решения конфликта в этом регионе. Анализируя эволюцию германской политики в канун Первой мировой войны, Маллиган придает большое значение получению в Берлине сведений об англо-русских переговорах о заключении морской конвенции, что пошатнуло веру в англо-германскую “разрядку” и способствовало возрождению тезиса об “окружении” Германии летом 1914 г. Таким образом, исследователь заключает, что “убийство Франца Фердинанда произошло в тот момент, когда лидеры в... Вене, Санкт-Петербурге и Берлине были наименее склонны к сохранению мира”²⁹. Совпадение во времени таких настроений в трех столицах и июльский кризис 1914 г. – это то стечение обстоятельств, которое, по мнению Маллигана (близкому в этом вопросе к оценке Либоу), вызвало войну³⁰. При этом Маллиган подчеркивает, что война рассматривалась как крайнее средство, к которому ни одна из великих держав не стремилась прибегнуть. Этот выбор был сделан от безысходности, боязни потерять свои позиции, а не в стремлении их улучшить. Автор далеко не убежден в том, что готовность пойти на риск войны закрепилась в качестве устойчивой тенденции политики великих держав. Сослагательное наклонение в анализе событий истории присутствует в этом, как и во многих других исследованиях современных ученых: если бы не произошло убийства австрийского эрцгерцога, неизвестно, как стали бы развиваться события.

Очевидный в книге Маллигана акцент на альтернативности, многовариантности исторического развития подчеркивается призывом автора не сводить историю международных отношений начала XX в. к истории возникновения Первой мировой войны. Это время, в интерпретации Маллигана, Беккера и других исследователей, характеризовалось не только движением к войне, но и успешными действиями по поддержанию мира. В таком духе написаны работы немецких авторов: монография К. Вилсберга о германо-французских отношениях в преддверии Первой мировой войны, в которой, наряду с

²⁸ *Mulligan W.* The Origins of the First World War. Cambridge, 2010, p. 34.

²⁹ *Ibid.*, p. 226.

³⁰ *Ibid.*, p. 90.

противоречиями между этими странами, рассматриваются объединявшие обе державы колониальные и коммерческие интересы³¹; и исследование Ф. Кислинга, посвященное периоду 1911–1914 гг. и концентрирующееся преимущественно на англо-германской “разрядке”³². Достоинством этих работ является попытка их авторов продемонстрировать, что государственные деятели, принимавшие решения в начале XX в., почти всегда стояли перед выбором альтернатив, “открытым” будущим; стремление историков показать нелинейный характер исторического процесса. Определенной опасностью такого подхода является уход в иную крайность – отрицание или значительное преуменьшение реально существовавших противоречий.

Примечательно, что противоречия отходят на второй план и в работе Ж.-Ж. Беккера “1914 год”, хотя автора следует причислить скорее к сторонникам определяющего влияния системных факторов в возникновении войны. Для французского историка война – производная существования национальных государств, граждане которых, связанные всеобщей воинской повинностью, были готовы защищать свои государства от опасностей, как истинных, так и мнимых. Увеличение на карте Европы количества национальных государств, объединение Италии и Германии, достижение независимости балканскими народами, по мнению Беккера, превратило Европу в “пороховой погреб”. Решающую роль в этом играли не материальные противоречия между странами, а характерная для такой формы организации общества система восприятия соседа как врага³³.

Проблема национального государства как фактора нестабильности системы международных отношений, правда, лишь в рамках Балканского полуострова, поднята в работе американского историка Р. Холла. Его тщательное исследование Балканских войн завершается безапелляционным и, как представляется, излишне категоричным выводом о том, что “национальные государства – не лучшая форма организации Балкан”³⁴. Вряд ли на вопрос о роли национального государства в глобальной или региональной системе международных отношений может быть дан универсальный ответ, однако именно такая политическая организация была характерна для Европы XIX–XX в., и с этим фактором невозможно не считаться.

Национализм традиционно относят к условиям возникновения Первой мировой войны. По своеобразной классификации причин Первой мировой войны, предложенной немецким исследователем У. Баумгартом³⁵, национализм, как и империализм, следует причислить к ее глубинным истокам, которые оказывали воздействие на развитие конфликта на протяжении длительного периода. Непосредственные причины войны – это решения, принятые в ходе июльского кризиса 1914 г. Однако, помимо них, историк выделяет причины среднего уровня. В их числе: система союзов, гонка вооружений, состояние общественного мнения. Деление причин войны на глубинные, среднего уровня и непосредственные является одним из методов синтеза системных факторов и субъективных решений при объяснении возникновения войны³⁶.

Если вопрос о роли союзов в возникновении Первой мировой войны затронут в ряде общих работ, посвященных ее происхождению³⁷, то история гонки сухопутных вооружений в начале XX в. стала предметом специальных исследований. Ей посвящены

---

³¹ *Wilsberg K.* Terrible ami – aimable ennemi. Kooperation und Konflikt in den deutsch-französischen Beziehungen 1911–1914. Bonn, 1998.

³² *Kießling F.* Gegen den großen Krieg? Entspannung in den internationalen Beziehungen 1911–1914. München, 2002.

³³ *Becker J.J.* Op. cit.

³⁴ *Hall R.* The Balkan Wars, 1912–1913. Prelude to the First World War. London, 2002, p. 141.

³⁵ *Baumgart W.* Einleitung des Bearbeiters. – Die Julikrise und der Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Darmstadt, 1983.

³⁶ *Виджеџи Б.* Причины Первой мировой войны как проблема соотношения “короткого” и “длительного” периодов. – Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998, с. 79.

³⁷ Помимо работ У. Маллигана, К. Кларка, см. монографию Х. Аффлербаха, посвященную взаимодействию держав Тройственного союза. – *Afflerbach H.* Der Dreibund. Europäische Großmacht- und Allianzpolitik vor dem Ersten Weltkrieg. Wien, 2002.

монографии британского автора Д. Стивенсона и американца Д. Херманна³⁸. Новизна этих работ определяется как введением в оборот широкого круга новых источников, так и постановкой задачи выявления связи международного конфликта с развитием вооружений и армий в Европе. Историки, в частности, рассмотрели влияние фактора военного баланса на течение и исход кризисов, предшествовавших Первой мировой войне, и пришли к выводу, что спецификой июльского кризиса 1914 г. было такое состояние вооруженных сил ведущих европейских государств, которое давало основания как Центральным державам, так и странам Антанты надеяться на победу в войне.

К изучению роли прессы обратился немецкий исследователь Б. Розенбергер. Основываясь на материалах германских газет, он сделал заключение, которое едва ли можно назвать новым: пресса, в числе других факторов, способствовала началу войны. В то же время интерес представляет замечание, что в газетных публикациях не идеализировалась война, а, скорее, высказывалась неудовлетворенность условиями мира. Так, например, урегулирование марокканских кризисов посредством дипломатии подвергалось критике, как не отвечающее интересам Германии. После 1905 г. неуклонно сокращалось количество статей, в которых сохранение мира было бы представлено в качестве ценности, или содержались аргументы против войны; в то же время, частыми становились негативные высказывания в отношении стран Антанты³⁹.

Еще одним фактором системного уровня, причисляемым к условиям возникновения войны, является характер и представления военно-политических элит европейских стран. Так Беккер утверждает, что монархи и государственные деятели в начале XX в. все еще мыслили категориями династических войн, не осознавая новых реалий существования национальных государств и, соответственно, масштабов возможного международного конфликта. Мысль о несоответствии принимающих решения элит вызовам эпохи высказывает в книге “Первая мировая война” Дж. Киган. По его словам, “кайзер... в ходе кризиса 1914 г., когда он один мог бы остановить неумолимое развертывание плана Шлиффена, обнаружил, что не понимает механизма, которым должен был управлять, запаниковал и позволил листку бумаги определять события”⁴⁰.

Р. Гамильтон и Х. Гервиг видят слабость существовавшей накануне Первой мировой войны системы международных отношений во внутреннем устройстве составлявших ее государств, когда узкая группа лиц могла определять ход судьбоносных событий. К принятию решений не привлекались представители деловых кругов, церкви, общественности. В своих выводах эти авторы сближаются как с трактовкой империализма австрийским экономистом и социологом Й. Шумпетером, представлявшим его как результат пребывания у власти военно-феодалных элит, так и с либеральной теорией “демократического мира”. Влияние либеральной парадигмы прослеживается в оценке роли “большого бизнеса”. По мнению Гамильтона и Гервига, если бы “он был у власти в 1914 г., возможно, его предпочтения взяли бы верх, и войны бы не произошло”⁴¹. Ученые полагают, что как Первая, так и Вторая мировые войны возникли в значительной степени по инициативе противостоявших либерализму сил. Примечательно, что наряду с Германией и Австро-Венгрией, страной в наибольшей степени ответственной за возникновение Первой мировой войны, в интерпретации американских исследователей, предстает Россия. Демократии же, Англия и Франция, скорее реагировали на события, а не инициировали их⁴².

³⁸ *Herrmann D.* The Arming of Europe and the Making of the First World War. Princeton, 1996; *Stevenson D.* Armaments and the Coming of War. Europe, 1904–1914. Oxford, 1996.

³⁹ *Rosenberger B.* Zeitungen als Kriegstreiber? Die Rolle der Presse im Vorfeld des Ersten Weltkrieges. Köln, 1998.

⁴⁰ *Keegan J.* Op. cit., p. 47.

⁴¹ *The Origins of World War I*, p. 504. Британский исследователь Х. Стран рассматривает развитие экономики и международной торговли в качестве факторов, действующих в направлении мира. — *Strachan H.* The First World War, v. I. Oxford, 2001. p. 101.

⁴² *The Origins of World War I*, p. 505. Сходным образом оценивает роль монархий Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых в происхождении Первой мировой войны М. МакМиллан. — *MacMillan M.* The War that Ended Peace. How Europe abandoned peace for the First World War [Kindle Edition].

Однако не все историки разделяют эти выводы. Рассматривая политику Франции во время июльского кризиса 1914 г., немецкий автор Ш. Шмидт убедительно доказывает, что позиция французского руководства, особенно президента Французской республики Р. Пуанкаре, была далека от пассивности. Он не только не пытался сдержать Санкт-Петербург в его возможной реакции на обострение конфликта Австро-Венгрии с Сербией, но стремился гарантией французской поддержки обеспечить принятие своим союзником жесткой линии поведения в июле 1914 г.⁴³

Монография Ш. Шмидта принадлежит к числу работ, в которых проблема происхождения Первой мировой войны рассматривается не на системном уровне, а сквозь призму внешней политики одной из держав. Импульс такому направлению задали труды немецкого историка Ф. Фишера по внешней политике Германии. В конце 1970-х–1980-е годы были опубликованы исследования, освещавшие движение к войне Австро-Венгрии, Великобритании, России, Франции, Италии⁴⁴. В 1990-е годы – начале XXI в. историки проследили процесс вовлечения в войну Турции, Болгарии, а также пересмотрели или уточнили тезисы своих предшественников в отношении политики Вены, Санкт-Петербурга, Парижа и Лондона⁴⁵.

Американский историк П. Шредер связал кризис системы международных отношений накануне Первой мировой войны с кризисом великодержавных позиций одного из ее столпов – Австро-Венгрии⁴⁶. Его соотечественник С. Уильямсон назвал вопрос, “почему Франц Иосиф и его советники выбрали войну в 1914 г.”, “центральной в ее происхождении”⁴⁷. Ответ Уильямсона на этот вопрос: ослабление международных позиций Австро-Венгрии, приведшее ее военно-политическое руководство к мысли о том, что только война может принести внешнеполитический успех, гарантирующий сохранение государства. Считая Вторую балканскую войну рубежным событием, которое определило судьбу Дунайской монархии, Уильямсон, тем не менее, отмечал, что и в конце 1913 – первой половине 1914 г. в Вене разрабатывали планы не только силовых действий, но и дипломатического наступления на Балканах. Однако оно провалилось, не начавшись. Неспособность стабилизировать ситуацию в Албании, предотвратить дрейф Румынии к Антанте, соперничество со стороны не только России, но и Италии, а также, как ни парадоксально, балканская политика Германии, входившая в противоречие с австро-венгерскими интересами, предопределили выбор военного решения внешнеполитических проблем в июле 1914 г.⁴⁸

Выявление роли каждой из великих держав в происхождении войны связано с вопросом об ответственности за нее, имеющим почти вековую историю. Как и почти

---

⁴³ Schmidt S. Frankreichs Außenpolitik in der Julikrise 1914. Ein Beitrag zur Geschichte des Ausbruchs des Ersten Weltkrieges. München, 2009. В монографии Шмидта французская политика предстает гораздо более активной и воинственной, чем в книге Кигера. – Keiger J. France and the Origins of the First World War. London, 1983.

⁴⁴ Bridge F. From Sadowa to Sarajevo. The Foreign Policy of Austria-Hungary, 1866–1914. London, 1972; Steiner Z. Britain and the Origins of the First World War. London, 1977; Bosworth R.J.B. Italy, the Least of the Great Powers: Italian Foreign Policy before the First World War. Cambridge, 1979; Lieven D. Russia and the Origins of the First World War. London, 1983; Renzi W.A. In the Shadow of the Sword: Italy's Neutrality and Entrance into the Great War, 1914–1915. New York, 1987.

⁴⁵ Williamson S. Austria-Hungary and the Origins of the First World War. London, 1991; Rauchensteiner M. Der Tod des Doppeladlers: Österreich-Ungarn und der Erste Weltkrieg. Graz, 1993; Hall R. Bulgaria's Road to the First World War. New York, 1996; Steiner Z., Neilson K. Britain and the Origins of the First World War. New York, 2003; Aksakal M. The Ottoman Road to War in 1914. Cambridge (Mass.), 2008; McMeekin S. The Russian Origins of the First World War. Cambridge (Mass.), 2011. МакМикин подвергает ревизии выводы Ливена (Lieven D. Russia and the Origins of the First World War) об ответственности Германии за войну и его оценки позиции России.

⁴⁶ Schroeder P. World War I as a Galloping Gertie. A Reply to Joachim Remak. – The Journal of Modern History, 1972, v. 44, № 3.

⁴⁷ Williamson S. Op. cit., p. 3.

⁴⁸ Ibidem.

столетие назад, среди исследователей нет согласия ни в отношении целесообразности постановки этого вопроса, ни в случае положительного ответа на него в том, на ком лежит основное бремя вины. Например, К. Кларк считает этот вопрос не вполне корректным, так как он изначально предполагает, что одна сторона должна быть права, а другая – нет. Реалии международных отношений начала XX в. не вписываются в такой черно-белый взгляд на историю. “Начало войны, – утверждает исследователь, – трагедия, а не преступление”⁴⁹. Однако далеко не все специалисты разделяют это мнение. Против ревизии выводов Фишера о германской ответственности за войну выступает А. Момбауэр⁵⁰.

Напротив, американский историк Ш. МакМикин, автор опубликованной в 2011 г. работы “Русские истоки Первой мировой войны”, снимает вину за развязывание Первой мировой войны с Германией и возлагает ее на Россию. Хотя автор привлекает к своему исследованию источники из архивов России и ряда западноевропейских стран, его выводы вряд ли можно назвать новыми. Суть их заключается в том, что в 1914 г. именно действия России, для которой закрывалось “окно возможностей” в борьбе за Черноморские проливы в связи с активной германской политикой на Востоке, а также перспективами усиления турецкого флота за счет строившихся в Англии кораблей, вызвали мировую войну. Именно русская мобилизация, начатая раньше германской, спровоцировала Берлин, в интерпретации МакМикина, не желавший войны, на ее объявление⁵¹.

Вряд ли кто-то будет отрицать разработку Россией в преддверии Первой мировой войны планов захвата Босфора. Это вполне объяснимо в связи с прогрессировавшим кризисом Османской империи, перспективой ее скорого краха и борьбой за наследство этого “тяжело больного человека”. Очевидно и то, что одной из главных целей России в войне было обретение Константинополя и контроля над Черноморскими проливами. Однако это не означает, что Российская империя в 1914 г. стремилась к войне. Начало русской мобилизации, в отличие от германской, не предполагало немедленного перехода к наступательным действиям, о чем хорошо знали в Берлине⁵².

МакМикин, по существу, повторяет многие тезисы германфильской или ревизионистской историографии 1920-х годов, критика которых была дана еще в написанной в 1927 г. работе Е.В. Тарле “Европа в эпоху империализма”. Советский исследователь справедливо указывал на бессмысленность спора о том, какая из сторон – Антанта или Германия с Австро-Венгрией – “в моральном отношении лучше”, поскольку каждой из них были присущи экспансионистские амбиции. В то же время Тарле отмечал несостоятельность попыток “защитников германского правительства” доказать, “что на Германию напали в июле–августе 1914 г.”. Летом 1914 г. именно в Австро-Венгрии и Германии были приняты решения, приведшие к Первой мировой войне⁵³.

На фоне сохраняющихся различий в оценках роли великих держав в возникновении Первой мировой войны, исключением является трактовка внешней политики Лондона. Она следует антантофильской традиции. В отличие от советской и германфильской историографии межвоенного периода, почти никто из западных исследователей не возлагал ответственность за возникновение Первой мировой войны на Великобританию. Ее действия традиционно рассматривались как реакция на внешне-

---

⁴⁹ Clark Ch. Op. cit., loc. 10759. Вместе с тем Кларк гораздо более критически настроен в отношении политики франко-русского союза, чем в отношении Германии или Австро-Венгрии.

⁵⁰ Mombauer A. The Fischer Controversy, Documents and the ‘Truth’ about the Origins of the First World War. – Journal of Contemporary History, 2013, № 48, p. 305–306.

⁵¹ McMeekin S. Countdown to War. July 1914 [Kindle Edition], loc. 5950–5958, 6195; *idem*. The Russian Origins, loc. 2873.

⁵² Afflerbach H. Falkenhayn, Politisches Denken und Handeln im Kaiserreich. München, 1994. S. 156; Mombauer A. Helmuth von Moltke and the Origins of the First World War. Cambridge, 2001, p. 204.

⁵³ Тарле Е.В. Европа в эпоху империализма. – Тарле Е.В. Политика: история территориальных захватов. XV–XX века. М., 2001, с. 534–538.

политические шаги Германии. Для современных оценок британской внешней политики накануне Первой мировой войны характерно некоторое преуменьшение остроты конфликта Лондона и Берлина, исследователи ставят вопрос о перспективах англо-германского сближения и перегруппировки сил в Европе, если бы войны в 1914 г. удалось избежать⁵⁴.

Современные историки обоснованно указывают на то, что курс Великобритании на международной арене не определялся исключительно противоречиями с Германией. В то же время, исключение англо-германских противоречий из рассмотрения проблемы происхождения Первой мировой войны чревато искажением представления о ее характере, сведением ее к “третьей балканской” или европейской. Между тем, в ходе Первой мировой войны решались вопросы не только политической организации Балканского полуострова и европейского баланса сил, но и сохранения неевропейских империй великих держав, доминирования в глобальной системе международных отношений. Именно они и лежали в основе англо-германского антагонизма⁵⁵.

По-прежнему актуальной и остро полемичной остается тема германской внешней политики в преддверии Первой мировой войны. Вряд ли можно безоговорочно согласиться с высказыванием А. Момбауэр, что тезис о германской ответственности стал общепризнанным⁵⁶.

Споры, инициированные работами Ф. Фишера, продолжают по сей день. Историки расходятся в оценке мотивов, определявших действия Германии в июле–августе 1914 г., ее роли в возникновении войны. Так, ученик Фишера, ныне оксфордский профессор Х. Погге фон Штрандманн, а также д-р М. Хьюитсон, писавший диссертацию под руководством фон Штрандманна, полагают, что германская политика была наступательной, представляла собой целенаправленную попытку изменения статус-кво в Европе и мире в свою пользу. Германское военно-политическое руководство действовало с позиции силы, сознательно шло на войну, веря в победу и преимущества, которые эта победа могла принести Германии⁵⁷.

В то же время для Х. Гервига германские шаги – скорее “прыжок в темноту”, результат страха за свои позиции в системе международных отношений, принятые в обстановке нервозности, паники и хаоса. “Слабые нервы, неверная информация, ошибочные суждения и восприятие”⁵⁸ – эти факторы характеризовали поведение германских военных и политиков в ситуации кризиса июля 1914 г. Не только в интерпретации Гервига, но и в других современных работах Германия кануна Великой войны предстает гораздо более уязвимой, чем она казалась ранее. О том, что “окружение” Германии на мировой арене являлось объективной реальностью, а не только субъективной оценкой германских государственных деятелей, писал П. Шредер⁵⁹.

Многие западные исследователи указывают на распространявшиеся после 1910 г. в кайзеровской армии и Генеральном штабе опасения усиления военной мощи России как на важный фактор, подталкивавший представителей военного руководства Второго рейха к мысли о необходимости начала войны⁶⁰, которую они рассматривали как “превентивную”. Уверенный в неизбежности европейского военного столкновения, начальник Генерального штаба Г. фон Мольтке-младший полагал, что “окно возможностей” для победы Германии закроется в 1916 г. Средства же для поддержания гонки вооружений

---

⁵⁴ *Ferguson N.* Op. cit.; *Otte T.G.* Détente 1914. Sir William Tyrrell’s Secret Mission to Germany. – *The Historical Journal*, 2013, v. 56, № 1.

⁵⁵ *Романова Е.В.* Путь к войне. Развитие англо-германского конфликта, 1898–1914 гг. М., 2008.

⁵⁶ *Mombauer A.* The Origins of the First World War: controversies and consensus, p. 202.

⁵⁷ *Strandmann P. von.* Germany and the Coming of War. – *The Coming of the First World War.* Oxford, 1990; *Hewitson M.* Germany and the Causes of the First World War. New York, 2004.

⁵⁸ *The Origins of World War I*, p. 160.

⁵⁹ *Schroeder P.* Necessary Conditions, p. 163, 171.

⁶⁰ *Mombauer A.* Helmuth von Moltke, p. 137, 180–183.

у империи Гогенцоллернов были ограничены. Так, Н. Фергюсон привлекает внимание к слабости фискальной системы Германии, указывает на распространенные в среде германских консерваторов опасения, что численный рост призывной армии приведет к ее демократизации и подрыву морального духа⁶¹.

Свидетельством разногласий в оценке германской внешней политики является ожесточенная полемика, вызванная появлением на рубеже XX–XXI вв. работ американского военного историка Т. Зюбера⁶², защитившего докторскую диссертацию в университете Вюрцбурга (ФРГ). По сути, Зюбер возрождает тезис германофильской историографии о том, что Германия в июле–августе 1914 г. явилась жертвой агрессии со стороны России и Франции. Он отрицает существование в Германии плана наступательной войны (“плана Шлиффена”) и утверждает, что Берлин начал военные действия лишь в ответ на мобилизацию русской и французской армий. Приравнивая объявление мобилизации к началу войны, Зюбер возлагает ответственность за нее на русско-французский союз. Для Зюбера меморандум Шлиффена “Война против Франции”, написанный в начале 1906 г. и в интерпретации большинства историков представлявший собой изложение военного плана Германии, – это почти случайный документ, созданный с целью оказать давление на кайзеровское военное ведомство для увеличения численности армии. Основанием для такого вывода служит несоответствие меморандума прежним планам войны на два фронта, разрабатывавшимся Шлиффеном. С точки зрения Зюбера, план войны исключительно с Францией выбывал из общей логики военного планирования и был лишним смыслом. Другой аргумент, на базе которого Зюбер выстраивает свою концепцию, состоит в том, что “план Шлиффена” предполагал использование новых дивизий, которых еще не было в германской армии. Таким образом, этот план не мог серьезно рассматриваться в качестве основы для военных действий. Наконец, историк отмечает, что военные игры, проводившиеся как А. фон Шлиффеном, так и его преемником на посту начальника Генерального штаба Г. фон Мольтке, исходили из того, что потенциальные противники Германии – Россия и Франция – будут вести наступательные действия.

“Миф о плане Шлиффена”, по мнению Зюбера, появился после окончания Первой мировой войны. Часть высшего офицерства германской армии, в частности генералы Г. фон Куль и В. Гренер, стремилась таким образом снять с армии и Генерального штаба ответственность за непрофессионализм. Их цель состояла в том, чтобы показать, что в преддверии Первой мировой войны Германия якобы имела безупречный, гарантирующий победу план военных действий, и лишь ошибки исполнителей, не понявших замысла Шлиффена, таких, как умерший ко времени “создания мифа” Г. фон Мольтке, помешали Второму рейху одержать победу. Для этого германские генералы воспользовались, в интерпретации Зюбера, “случайным” меморандумом Шлиффена и придали ему несоразмерное значение.

Многие историки подвергли концепцию Т. Зюбера резкой критике⁶³. Заявляя о несоответствии меморандума Шлиффена предшествовавшему опыту военного планирования, автор не учел изменившейся международной обстановки в период подготовки и

---

⁶¹ *Ferguson N.* Op. cit.

⁶² *Zuber T.* The Schlieffen Plan Reconsidered. – *War in History*, 1999, № 6, p. 262–305; *idem.* Inventing the Schlieffen Plan. *German War Planning, 1871–1914.* Oxford, 2002; *idem.* *German War Planning, 1891–1914: Sources and Interpretations.* Woodbridge, 2004; *idem.* Everybody Knows There Was a “Schlieffen Plan”. A Reply to Annika Mombauer. – *War in History*, 2008, № 15.

⁶³ *Holmes T.* The Reluctant March on Paris. A Reply to Terence Zuber’s “The Schlieffen Plan Reconsidered”. – *War in History*, 2001, № 8; *idem.* The Real Thing: A Reply to Terence Zuber’s “Terence Holmes Reinvents the Schlieffen Plan”. – *War in History*, 2002, № 9; *idem.* Asking Schlieffen. A Further Reply to Terence Zuber. – *War in History*, 2003, № 10; *Foley R. T.* The Origins of the Schlieffen Plan. – *Ibidem*; *idem.* The Real Schlieffen Plan. – *War in History*, 2006, № 12; *Mombauer A.* Of War Plan and War Guilt. The Debate Surrounding the Schlieffen Plan. – *Journal of Strategic Studies*, 2005, № 28; *Der Schlieffenplan. Analysen und Dokumente.* Paderborn, 2007; *Gross G. P.* There Was a Schlieffen Plan: New Sources on the History of German Military Planning. – *War in History*, 2008, № 15; *War Planning 1914.* Cambridge, 2010.

написания меморандума, в частности, значительного ослабления России в результате войны с Японией; попыток сближения Берлина с Санкт-Петербургом, выразившихся в Бьеркском свидании императоров Вильгельма II и Николая II; обострения германо-французских отношений в ходе марокканского кризиса. Все эти факторы обосновывали возможность планирования Германией войны с одним противником – Францией. Историки не раз обращали внимание на расхождение военного планирования с реальностью, на которое вновь указал Зюбер. Однако следует иметь в виду, что не только в меморандуме 1906 г., но и в штабных тактических играх Шлиффен не раз использовал воинские соединения, имевшиеся в наличии лишь на бумаге⁶⁴. Возможным рациональным объяснением такой практики являлись распространенные в среде военного руководства надежды на потенциал мобилизации – призыв резервистов в начальный период войны. Как отметила А. Момбауэр, подводя итог критике концепции Зюбера, военные в 1914 г. не согласились бы с его утверждениями. Они полагали, “что выполняют план Шлиффена”⁶⁵. Момбауэр возлагает на германский Генеральный штаб ответственность за поощрение агрессивной политики⁶⁶.

Работы Зюбера, несмотря на то, что их основной вывод не выдерживает критики, оказали большое влияние на исследования германского военного планирования в преддверии Первой мировой войны. Статьи и книги Ш. Ферстера, Р. Фоли, А. Момбауэр, Т. Холмса и Г. Гросса демонстрируют, что это планирование было более сложным и противоречивым процессом, чем предполагалось ранее. Большинство современных западных историков не разделяют долгое время господствовавшего в историографии тезиса о том, что в конце XIX – начале XX в. в германских военных кругах была распространена “иллюзия короткой войны”. Ш. Ферстер и А. Момбауэр показывают, что и в среде военного руководства многие опасались затяжной войны с непредсказуемыми последствиями. Историки цитируют последнее выступление Г. фон Мольтке-старшего в германском рейхстаге в 1890 г., в котором он предупреждал, что время кабинетных войн безвозвратно ушло. Ферстер делает вывод о том, что Мольтке-старший к концу жизни отказался от идеи использования войны как средства решения политических задач, понимая невозможность выигрыша в ней Германии⁶⁷. Его племянник, ставший преемником Шлиффена на посту начальника Генерального штаба, разделял представление о будущей войне как войне на истощение, однако не был готов последовать примеру дяди и отказаться от войны. Опираясь на записи адъютанта Мольтке-младшего майора Г. фон Хефтена, сделанные во время июльского кризиса 1914 г., А. Момбауэр заключает, что начальник германского Генштаба был среди тех, кто испытывал серьезные сомнения в скоротечности надвигающейся войны, опасался ее последствий. По приводимым в исследованиях свидетельствам, и Г. Мольтке-младший, и занимавший пост начальника мобилизационного отдела Генштаба до 1913 г. Э. Людендорф считались с вероятностью по меньшей мере двухлетней войны⁶⁸.

Объяснить тот факт, что, не веря в возможность “молниеносной войны”, германское военное руководство планировало именно ее, способны, по мнению профессора

---

⁶⁴ Gross G.P. Op. cit., p. 402

⁶⁵ Mombauer A. Helmuth von Moltke, p. 74.

⁶⁶ Ibid., p. 288.

⁶⁷ Förster S. Der deutsche Generalstab und die Illusion des kurzen Krieges, 1871–1914. Metakritik eines Mythos. – Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1995, № 54; *idem*. Dreams and Nightmares. German Military Leadership and the Images of Future Warfare, 1871–1914. – Anticipating Total War. The German and American Experiences, 1871–1914. Cambridge, 2006.

⁶⁸ Mombauer A. A Reluctant Military Leader? – War in History, 1999, № 6, p. 437; *idem*. Helmuth von Moltke. По мнению Х. Аффлербаха, генерал Э. фон Фалькенгайн допускал, что война продлится, по меньшей мере, полтора, а возможно, два или три года. – Afflerbach H. Falkenhayn. S. 171. Другой биограф Фалькенгайна, Р. Фоли, все же полагает, что представления о затяжной войне были в большей степени характерны для интеллектуалов, а не для армии. – Foley R.T. German Strategy and the Path to Verdun: Erich von Falkenhayn and the Development of Attrition, 1870–1916. Cambridge, 2003, p. 5.

университета Берна (Швейцария) Ш. Ферстера, два обстоятельства: во-первых, представление о неизбежности войны вообще и ее героизация⁶⁹; во-вторых, роль “полубогов”, которую играло военное руководство Германии в правящей элите рейха. Затяжная война не могла себя оправдать, а соответственно, и поддержать позиции военных. Только рецепт быстрой победы в войне обеспечивал им влияние. Поэтому сомневавшийся в возможности Германии одержать такую победу Мольтке-младший был вынужден публично демонстрировать уверенность в успехе. В реальности же, как полагает Ферстер, в 1914 г. “план Шлиффена” не рассматривался руководством Генерального штаба, в частности Мольтке, как рецепт победы, а представлялся планом первых операций, сулившим преимуществва в начале военной кампании.

Актуальным для современных специалистов по германской истории является изучение представлений о войне не только военной элиты, но и широких слоев общества. В историографии продолжаются дискуссии об истоках, носителях и степени распространения милитаристских настроений в Германии накануне Первой мировой войны. Трактовка милитаризма, предложенная германским историком Э. Кером еще в 1930-е годы, а затем воспринятая Ф. Фишером (ее во многом разделяли советские историки), исходит из представления о союзе юнкерско-буржуазных элит, для которых милитаристская идеология, оправдывавшая наращивание вооружений и силовые методы проведения внешней политики, служила как экономическим интересам обогащения за счет военных заказов или приобретения новых рынков, так и политическим целям поддержания своего господства и борьбы против социал-демократии. Вместе с тем, распространение крайне правых милитаристских и националистических настроений не только в верхах общества позволяет ряду исследователей говорить о существовании, наряду с “милитаризмом элит”, “милитаризма масс”⁷⁰. Ш. Ферстер выдвинул тезис о “двух милитаризмах”, существовавших в Германии: “реакционном, традиционном, прусском, консервативном милитаризме сверху”, господствовавшем до 1905 г., и “буржуазном милитаризме снизу”, доминировавшем на следующем этапе развития Германии⁷¹.

Историки объясняют готовность принять войну, ее героизацию в разных слоях немецкого общества особенностями развития Германии в конце XIX – начале XX в. Быстрая трансформация Европы аграрной в Европу урбанизированную, индустриальную, привела к разрыву прежних связей, а с ними и к появлению чувства уязвимости. В этих условиях, по мнению английского исследователя М. Ховарда, война воспринималась как облегчение, снятие напряжения, порожденного как внутренней, так и международной нестабильностью⁷². В то же время, государство было заинтересовано в интеграции в общество огромной массы людей, выброшенных из деревни в город. Создание молодежных милитаристских организаций было призвано воспитать здорового, сильного и лояльного государству верноподданного. В их задачи входило ограждение молодых рабочих от растущего влияния социал-демократии. На распространение ценностей рейха и армии была направлена деятельность ассоциаций ветеранов и резервистов⁷³. Успешные войны Германии 1860-х – 1871 годов, как и память о них, подчеркивавшая героико-романтическую и упускавшая трагическую сторону этих конфликтов, способствовала готовности молодежи принять идею войны. Деятельность армейской и флотской лиг,

---

⁶⁹ Примечательны, с этой точки зрения, слова Фалькенгайна: “Война прекрасна, даже если мы в ней погибнем”. – *Hewitson M.* Op. cit., p. 1.

⁷⁰ *Eley G.* Reshaping the German Right. Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven, 1979. *Chickering R.* We men who feel most German: a Cultural Study of Pan-German League, 1886–1914. London, 1984.

⁷¹ *Förster S.* Alter und neuer Militarismus im Kaiserreich. Heeresrüstungspolitik und Dispositionen zum Krieg zwischen Status-quo-Sicherung und imperialistische Expansion, 1890–1913. – *Bereit zum Krieg.* Göttingen, 1986.

⁷² *Howard M.* Op. cit., p. 79.

⁷³ *Rohrkrämer T.* Heroes and Would-be Heroes. Veterans’ and Reservists’ Associations in Imperial Germany. – *Anticipating Total War.*

ассоциаций ветеранов, патриотических женских ассоциаций, наряду с исключительной ролью армии в жизни государства и общества, а также с исторической традицией опираться на военную силу в решении внешнеполитических задач, казалось бы, создавала картину общества, “пронизанного духом милитаризма”⁷⁴.

Однако не все исследователи готовы согласиться с этим выводом. Так, для Н. Фергюсона всеохватывающий и всеобъемлющий милитаризм в Германии кануна Первой мировой войны является мифом⁷⁵. В преддверии 1914 г. “европейцы не шагали к войне, а поворачивались спиной к милитаризму”⁷⁶. В Германии милитаристские настроения были распространены преимущественно в среде “образованных классов” – чиновничества, учительства, профессоров и студентов, представителей протестантской церкви. Этот тезис подтверждается социальным составом как членов не слишком многочисленных военизированных лиг в предвоенный период, так и добровольцев в первые месяцы мировой войны.

Развенчивает представление о всеобщем воодушевлении первых дней войны книга Дж. Верhey, основанная на исследовании местной германской прессы. Автор рисует картину германского общества, в котором значительные слои не были подвержены “настроению 1914 г.”. Исследователь не находит свидетельств энтузиазма среди населения деревни, рабочих кварталов больших городов, приграничных областей⁷⁷.

Противоречия в трактовке предвоенных настроений германского общества во многом показательны для современного состояния западной историографии проблемы происхождения Первой мировой войны. Работы современных историков рисуют более детальную, нюансированную, богатую оттенками картину представлений о войне как масс, так и элит, военного планирования, политики стран и межгосударственного взаимодействия. Изложение истории международных отношений кануна войны утрачивает присущую ему ранее схематичность.

В то же время, отметим отсутствие консенсуса среди современных ученых относительно происхождения Великой войны. Ряд выводов, сделанных на более ранних этапах развития историографии, сегодня обращается в свою противоположность. Сложность системы межгосударственных отношений накануне Первой мировой войны, как и обилие источников, отчасти обосновывают множественность возможных интерпретаций причин ее начала. Сегодня утопичной представляется надежда на выработку единой концепции происхождения войны. Такой вывод обусловлен не только многосторонностью исследуемой проблемы, но и многообразием методологических подходов, возможно, неизбежной несвободой историка от идеологем⁷⁸. Однако он не означает отказа от необходимости постановки задачи синтеза накопленных знаний, определения критериев оценочных суждений. Эта задача представляется актуальной не только для западной, но и для отечественной исторической науки.

---

⁷⁴ *Залевски М.* Немецкое общество и начало Первой мировой войны. – Война и общество в XX в. Кн. 1. Война и общество накануне и в период Первой мировой войны. М., 2008, с. 402.

⁷⁵ *Ferguson N.* Op. cit.

⁷⁶ *Ibid.*, p. 30.

⁷⁷ *Verhey J.* The Spirit of 1914. Militarism, Myth and Mobilization in Germany. Cambridge, 2000, p. 91.

⁷⁸ *Согрин В.В.* Как возможна объективная история? – Может ли история быть объективной? М., 2012.